

ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ ДО ПОЛУНОЧИ

и
Антон Дудин

18+

АНТОН ДУДИН

Двенадцать минут до полуночи

«Автор»

2026

Дудин А.

Двенадцать минут до полуночи / А. Дудин — «Автор», 2026

Что, если безупречное алиби держится на часах, отстающих ровно на двенадцать минут? В последний вечер Тыквенного Спаса в Берестовке происходит преступление. Подозреваемые рядом, алиби убедительны, а праздничные огни гаснут в самый неподходящий миг. Неверный циферблат сбивает хронологию, узор на тыкве хранит подсказку, семена ведут к чужому огороду. Чтобы раскрыть дело, придётся сверять время, проверять маршруты и отделять факты от догадок. Свидетели могут искренне ошибаться, если ориентируются на одни неверные часы. Виновного выдаст не эффектная улика, а цепь независимых фактов и деталь, известная только преступнику. Для любителей атмосферных детективов и честной дедукции: проверяйте алиби вместе с героями и ищите правду среди праздничных огней. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: ИИ-генерация — лицензия.

© Дудин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Последний вечер Тыквенного Спаса	6
Самая большая тыква	11
Гости с безупречными алиби	15
Часы, отставшие на двенадцать минут	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Антон Дудин
Двенадцать минут до полуночи

Двенадцать минут до полуночи

Антон Дудин

Последний вечер Тыквенного Спаса

Последний вечер ярмарки похож на кухню после гостей: столы ещё ломятся от угощения, музыка играет громче, чем днём, а хозяева улыбаются так старательно, будто от улыбок зависит, заметит ли кто-нибудь усталость. Люди не спешат расходиться. Покупают ещё по пирожку, задерживаются у прилавков, фотографируют детей рядом с декорациями, которые утром уже начнут разбирать. Никто не хочет первым признать: праздник заканчивается.

В Берестовке он заканчивался особенно красиво.

Над площадью висели гирлянды в форме крошечных тыкв. По краям сцены расставили фонари с вырезанными зубастыми физиономиями, а на верёвках между домами качались бумажные листья. Днём они казались золотыми; теперь, намокшие от вечерней мороси, тяжело провисали и поблёскивали под лампами. С площади доносилась музыка — скрипка спорила с баяном, а ударник, похоже, решил, что именно его партия должна пережить зиму.

Пахло корицей, горячим маслом и печёной тыквой. Ещё — мокрой землёй и листьями, затоптанными у палаток. Запахи смешивались и оседали на одежде, как праздничная пыльца.

Надежда Ветрова приехала в Берестовку после короткого сообщения агронома Тимофея Савельева: «Если будете в районе, заезжайте к закрытию. Нужно поговорить». Ничего больше он не написал. Надежда спросила, срочно ли это. Тимофеем ответил: «Лучше сегодня».

Следователь районного отдела не любила слова «лучше сегодня». Обычно за ними стояло что-то, что собеседник не хотел произносить по телефону. Но и превращать всякую недосказанность в катастрофу она не собиралась. Ветрова умела ждать пояснений, а заодно — замечать, когда их избегают.

Она остановила машину у въезда на площадь и не сразу вышла. За стеклом мелькали яркие куртки, детские шапки, бумажные пакеты. У сцены ведущий объявлял финальный розыгрыш призов. Толпа отвечала смехом с небольшой задержкой, как отвечает публика, которая уже устала, но не хочет разочаровать ведущего.

Надежда оценила площадку привычным взглядом: входы, проходы, освещённые и тёмные участки, люди, которые стоят слишком близко к краю давки. Привычка сначала смотреть, а потом идти давно стала частью её походки. Она не считала её сверхспособностью. Скорее — способом не позволять первому впечатлению командовать остальными.

Праздник выглядел безупречно. Именно это и настораживало.

У стенда с конкурсными овощами гигантские тыквы лежали на деревянных поддонах, обвитых лентами. Возле самой большой собралась небольшая толпа. На табличке значилось имя победительницы — Валентины Громовой. Люди фотографировались рядом, прижимая к оранжевой корке детей и букеты. Тыква была такой широкой, что рядом с ней даже взрослый человек казался не особенно убедительным.

Чуть поодаль стоял прилавок с семенами. За ним продавщица в вязаной шапке раскладывала пакетики по ящикам. На некоторых были нарисованы круглые оранжевые плоды, на других — вытянутые, словно маленькие фонари. Над прилавком висела гирлянда из бумажных листьев. Один листок зацепился за провод и качался, хотя ветра почти не было.

Тимофей Савельев появился не со стороны сцены, а из-за конкурсного навеса. Надежда узнала его по походке: он шёл быстро, но каждый раз замедлялся у того, что могло потребовать проверки. Остановился возле крепления у стойки, дёрнул за него, убедился, что держится, и только после этого направился к ней.

На нём была куртка с влажными плечами и резиновые сапоги, покрытые землёй. Агроном выглядел не как человек, пришедший на праздник, а как человек, которого праздник не смог отвлечь от работы.

— Вы приехали, — сказал он.

— Вы просили.

Он не улыбнулся. В глазах у него было то беспокойство, которое Надежда знала по людям, давно решившимся заговорить, но всё ещё надеющимся, что их отговорят.

— Можно на минуту? — спросил Тимофей.

— Можно.

Он повёл её к прилавку с семенами. По дороге остановился, поправил перекошенную табличку у стенда и заглянул за край поддона, будто проверял, не зажало ли там чей-то провод. Надежда ничего не сказала. Тимофей проверял всё лично — это она поняла даже за несколько минут. Не потому, что никому не доверял. Просто полагался на то, что увидел сам.

У прилавка было тише, хотя до сцены оставалось всего несколько шагов. Праздник не умолкал, но его шум здесь разбивался о навесы и столы.

Тимофей посмотрел на продавщицу. Та занялась пакетиками, явно не намереваясь подслушивать, хотя и не могла не слышать.

— Кто-то подменил семена победительницы, — произнёс он вполголоса.

Надежда не стала сразу спрашивать, кто именно и зачем.

— Вы уверены, что это не ошибка?

— Нет.

— Тогда что вы можете подтвердить?

Тимофей сжал губы. Его взгляд скользнул к площади, к сцене, снова к прилавку.

— Я не хочу обвинять человека на основании того, что мне кажется. Но это не просто кажется. Мне нужно показать вам кое-что. Не здесь.

— Вы сказали, что дело срочное.

— Срочное — не значит, что его следует обсуждать возле стенда, где половина Берестовки делает вид, что не слушает.

Он говорил тихо, но слишком быстро. Надежда отметила не только слова, но и паузы между ними. Тимофей не искал, как бы эффектнее сформулировать обвинение. Скорее, искал безопасный способ его не произнести.

— Хорошо, — сказала она. — Где и когда?

— Через несколько минут. У сцены, с боковой стороны. Я принесу записи.

Тимофей достал телефон, глянул на экран и положил его на край сцены рядом со стойкой микрофона. Потом снял перчатки и спрятал их в карман.

— Вы уже говорили с победительницей? — спросила Надежда.

— Не сейчас.

— Это ответ или просьба?

Он встретил её взгляд.

— Просьба. Дайте мне сначала показать.

Надежда кивнула. Она не любила, когда ей предлагали отложить простые вопросы, но умела отличать уклонение от попытки не устроить публичный скандал. Пока — различала.

В этот момент у входной арки ударили праздничные колокольчики. Их звон был звонким, почти стеклянным; люди повернули головы. Ведущий объявил, что сейчас начнётся последний круг фотографий у победительницы и будет выбран обладатель лотерейного приза.

— После колокольчиков, — сказал Тимофей. — У сцены.

— Через сколько?

— Пять минут.

Он шагнул в сторону, пропуская женщину с двумя пакетами выпечки. Надежда посмотрела на оставленный у сцены телефон.

— Савельев.

Он обернулся.

— Не забудьте телефон.

— Не забуду.

Он сказал это без раздражения, но не вернулся за ним. На секунду Надежда подумала, что он услышал её не так, как она сказала. Затем мимо прошла группа детей с бумажными фонариками, и Тимофей растворился в движении.

В расследовании полезно разделять три вещи: то, что вы видели, то, что вы об этом подумали, и то, что можно проверить. Надежда научилась этому не из учебника. Однажды она потратила почти час на уверенную версию, построенную на неверно запомненном цвете куртки свидетеля. Позже выяснилось, что уличный фонарь изменил оттенок ткани. С тех пор она старалась не выдавать догадку за наблюдение.

Это простое упражнение может пригодиться и вне расследования: осмотритесь, назовите пять конкретных предметов, затем — три вывода, которые ваш мозг сделал о людях или месте. После этого спросите себя, чем каждый вывод подтверждён. Скорее всего, часть ответов окажется не фактами, а привычными объяснениями.

На празднике это упражнение было особенно уместным. Надежда видела аккуратные гирлянды, переполненную площадь, конкурсный подиум и улыбчивых организаторов. А ещё замечала, что один шнур под сценой закреплён свежей лентой, что у бокового прохода лежит смятый бумажный стакан и что мужчина в оранжевом жилете уже третий раз проходит мимо навеса, не останавливаясь. Ни одно из этих наблюдений само по себе ничего не доказывало. Вместе они пока тоже ничего не доказывали. Но их стоило помнить.

Зрительное внимание не работает как видеокамера. Когда человек сосредоточен на одном — например, на голосе ведущего или на поиске ребёнка в толпе, — он легче пропускает перемены вокруг. В экспериментах по изучению внимания люди порой не замечают даже заметного изменения, если их внимание занято другой задачей. Ветрова знала это и потому не полагалась на фразу «я бы обязательно увидела». Обычно люди видят не всё, а то, на что успели посмотреть.

Сцена тем временем ожила. Ведущий пригласил Валентину Громову подняться на помост. Толпа захлопала. Победительница улыбалась растерянно и довольно, а рядом с ней под оранжевой лентой величественно лежала её тыква. Свет гирлянд отражался в блестящей коже. Кто-то в первом ряду поднял телефон повыше, заслонив собой ребёнка весь вид.

Надежда отошла к краю площадки, откуда была видна боковая часть сцены. Тимофей не появлялся.

Прошла минута. Потом ещё одна.

Ведущий снова пошутил, музыканты подхватили мелодию, люди рассмеялись. Надежда посмотрела на часы. До оговорённого времени оставалось немного. Она не собиралась искать агронома по всей ярмарке из-за двух минут задержки — у того могли быть дела, люди, вопросы. Но телефон всё ещё лежал на сцене.

Она заметила это не сразу. Сначала увидела прямоугольную тень у микрофонной стойки, затем узнала чёрный чехол с треснувшим углом. Телефон Тимофея.

Надежда ещё раз взглянула на проход за сцену. Оттуда выбежала девочка с бумажным фонариком, за ней — волонтёр с рулоном скотча. Савельева не было.

— Сейчас будет финальный звон, — сообщила продавщица семян, аккуратно складывая последние пакетики. — Потом свет на площади ненадолго выключат. Так каждый год делают, для огней.

— Надолго?

— Совсем ненадолго. Секунд на десять. Чтобы все зажгли фонарики.

Надежда посмотрела на гирлянды. Несколько ламп мигнули, но снова загорелись ровно. На сцене ведущий просил публику сделать шаг назад. Организаторы приглашали детей ближе к помосту, чтобы тем было видно.

В толпе наступил тот особенный шум, который бывает перед общим зрелищем. Люди заговорили громче, шуршали пакетами, двигались плотнее. Сначала гаснут отдельные разговоры, затем общий свет. Ветрова понимала, что в первые секунды темноты на площади почти никто не сможет сказать, куда делся сосед. Это не значит, что человек исчез бесследно. Это значит, что свидетели могут искренне запомнить одно и то же событие по-разному.

Звон колокольчиков раздался снова.

Фонари погасли.

Музыка оборвалась на середине ноты. Площадь ухнула в темноту, и одновременно толпа зашевелилась, как один большой организм, внезапно потерявший зрение. Кто-то засмеялся. Кто-то позвал ребёнка. Вдалеке звякнула стеклянная бутылка.

Надежда не бросилась вперёд. В коротком отключении света самое разумное — не становиться ещё одним человеком, который не видит, куда ставит ногу. Она положила ладонь на край прилавка, чтобы сохранить ориентир, и прислушалась.

— Не толкайтесь, — крикнул кто-то у сцены.

Затем послышался короткий металлический скрежет. Не громкий, не отчётливый — звук мог принадлежать колёсной тележке, стойке или упавшему ограждению. Надежда отметила направление, но не стала угадывать источник. В темноте слух тоже ошибается: музыка и разговоры отражаются от стен, а праздничные колокольчики заглушают тихие голоса.

Через несколько секунд снова зажглись фонари. Люди засмеялись и захлопали, словно темнота была частью представления. Ведущий объявил, что «Берестовка выдержала испытание». Музыканты начали новую мелодию.

Надежда посмотрела на место у сцены.

Телефон лежал там же.

Тимофей не вернулся.

Сначала это можно было объяснить обычным делом: кто-то попросил помочь, он отошёл за записями, проверял оборудование. Сам по себе пропущенный разговор не был происшествием. Надежда не стала называть его исчезновением. Она назвала бы его так, если бы появились основания.

Но Савельев не был человеком, который забывает назначенное место. Не после того, как сам попросил приехать. И уж точно не после фразы «я покажу вам кое-что».

— Вы видели, куда он пошёл? — спросила она у продавщицы.

Та нахмурилась.

— Кто?

— Тимофей Савельев. Агроном. Только что стоял здесь.

— Я... — Женщина оглянулась. — Нет. Я смотрела на ящики, когда погас свет.

Надежда повернулась к сцене и подошла ближе, не заступая за ленту, которой волонтеры обозначили край помоста. Телефон лежал экраном вниз. Чехол был мокрым по краю — возможно, от дождя, возможно, от чьих-то рук. Это пока ничего не означало.

Она позвонила на номер Савельева.

Из-под микрофонной стойки донёсся короткий дрожащий звук.

Телефон завибрировал на деревянной сцене, не сдвинувшись с места.

Надежда попросила волонтеров не трогать его и записала время. Потом посмотрела на проход за сцену, на ярмарочные шатры, на выходы с площади. Праздник продолжался: люди улыбались, дети махали фонариками, ведущий приглашал всех к последнему кругу у победительницы. Но теперь каждая декорация казалась не украшением, а возможной границей обзора, каждый занавес — местом, за которым могла скрыться важная деталь.

Тыквенный Спас ещё не закончился. Просто у его последнего вечера появился вопрос, на который никто пока не отвечал.

Надежда снова взглянула на большую тыкву у сцены. Она стояла на поддоне, укрытая золотой лентой, и собирала вокруг себя всё внимание площади. Люди видели её вес, размер и блеск кожуры. Агроном говорил о семенах. И если он не вернётся, именно с этого несовпадения придётся начинать.

Самая большая тыква

На ярмарке всегда есть предмет, возле которого люди перестают замечать всё остальное. Иногда это сцена с музыкантами, иногда — фокусник, выпускающий из рукавов белых голубей. А иногда огромная тыква, такая круглая и яркая, что рядом с ней даже взрослые начинают улыбаться, словно снова оказались детьми. Люди фотографируются, кладут ладонь на гладкий бок, спорят о весе и уверяют друг друга, что такое чудо невозможно передвинуть без крана.

Утром после ярмарки эта уверенность обернулась тишиной.

Помост стоял среди опустевших рядов палаток. Над ним всё ещё свисали бумажные фонарики, а на сцене, где накануне объявляли победителей, сохранился плакат с золотыми буквами: «Праздник урожая». Только буквы теперь казались не праздничными, а чужими — будто их оставили здесь для декорации к чужому событию.

Самая большая тыква уже не занимала центр помоста.

Она съехала к краю и развернулась боком, открыв за собой узкий проход. В этом проходе, между деревянной платформой и ограждением, лежал Тимофей Савельев.

Первым его заметил Олег, волонтер, пришедший снять с площадки ночные гирлянды. Он позвонил в службу спасения, потом остался у входа, словно боялся, что один неверный шаг способен сделать увиденное ещё реальнее. Когда Надежда приехала, медики уже осмотрели Савельева. Один из них коротко подтвердил, что помочь ему не удалось.

Надежда не стала расспрашивать Олега при остальных. Сначала она посмотрела на площадку целиком.

После ярмарки вокруг помоста толпились люди: организаторы, продавцы, несколько участников конкурса и те, кто просто проснулся пораньше, чтобы увидеть, что случилось. Вечера здесь стояли дети с пряничными улыбками, родители с бумажными стаканами горячего сидра, музыканты и фотографы. Сегодня каждый пришедший невольно тянулся ближе, будто тело и сдвинутая тыква были частью новой выставки.

— Пожалуйста, дальше не подходить, — сказала Надежда. — Никто ничего не трогает. Кто уже заходил на площадку, останьтесь здесь и назовите своё имя.

Голос у неё был негромкий, но в нём не оставалось места для уговоров. Она попросила дежурного полицейского перекрыть проходы, а одного из организаторов — остановить демонтаж декораций. Никому нельзя было уносить коробки, сматывать провода или «наводить порядок». Даже если гирлянда мешала проходу, теперь она была частью места, где всё произошло.

Подобное решение кажется простым, пока не оказываешься перед толпой людей, каждый из которых уверен, что помогает. Кто-то хочет подвинуть помост, чтобы медикам было удобнее. Кто-то тянется поднять упавшую ленту. Кто-то уже придумал объяснение и готов указать, где искать виноватого. Но первое правило осмотра не в том, чтобы немедленно найти ответ. Сначала нужно сохранить вопрос.

Надежда определила границу площадки и оставила один контролируемый проход. Вошедших записывали: имя, время, причина. Олега попросили отдельно перечислить, где он ходил до обнаружения тела и чего касался. Его не отчитывали и не торопили. Испуганный человек может забыть важную подробность не потому, что скрывает её, а потому, что страх спутывает последовательность событий.

— Я только подошёл к помосту, — повторял он. — Увидел, что тыква не на месте. Потом обошёл сбоку. И тогда...

— Не нужно сейчас объяснять, почему она сдвинулась, — остановила его Надежда. — Расскажите, что именно вы увидели. По порядку.

Это различие она берегла так же тщательно, как периметр. «Она была сдвинута» — наблюдение. «Кто-то спрятал за ней тело» — уже версия. Версии могли оказаться верными, но не становились фактами только потому, что звучали убедительно.

Сначала осмотрели площадку издали. На фотографиях должны были остаться не только тело и тыква, но и всё вокруг: расстояния до ограждения, положение фонариков, дорожки между палатками, следы на влажной земле. Затем сделали снимки помоста с разных сторон. Лишь после этого специалисты перешли к отдельным деталям, используя масштабную линейку там, где она была необходима. Ничего не поднимали и не переворачивали ради лучшего кадра.

Помост был выкрашен в тёмно-зелёный цвет. На его поверхности виднелась дугообразная полоса, будто тяжёлый предмет немного протащили, не дав ему полностью прокатиться. У края проступали две свежие потёртости: краска была содрана до светлого дерева. Надежда не стала касаться их перчаткой, чтобы проверить, насколько они свежие. Для начала было достаточно зафиксировать, где они находились и как выглядели.

Тыква весила четыреста восемьдесят шесть килограммов — цифра сохранилась на табличке конкурса. Почти полтонны, главным образом вода и плотная мякоть, заключённые в толстой оболочке. Но даже огромный плод не становится самостоятельным участником событий. Если ровный помост устойчив, а опоры не сдвинулись, тяжёлую тыкву не может просто так потянуть в сторону невидимая сила. Гравитация способна двигать предмет по наклонной поверхности, поэтому сначала нужно проверить и поверхность, и опоры. Только потом можно говорить, что для перемещения требовалось внешнее усилие.

Надежда попросила осмотреть помост с боков и проверить, не просел ли он. На первый взгляд он казался ровным, но взгляд — плохой измерительный прибор, особенно когда человек уже знает, что случилось. Позже специалисты должны были сверить наклон и состояние опор. Пока Надежда записала лишь то, что видела: тыква смещена относительно центральной метки, на краске свежие потёртости, возле неё заметна полоса волочения.

Лента победителя по-прежнему обвивала тыкву. Золотистая надпись блестела на оранжевой ткани: «Первое место». Праздничная лента пересекала бок плода и закрывала узкий аккуратный разрез в коже.

Надежда заметила его не сразу. Сначала он показался естественной трещиной — такой, какие появляются на перезрелой тыкве. Но линия была слишком ровной, а сама лента лежала поверх неё так, словно её небрежно набросили в спешке или, наоборот, тщательно положили на нужное место. Надежда не приподняла ткань. Она отметила расположение разреза и попросила сделать снимки, не меняя положения ленты.

Праздничная лента могла быть частью украшения. Могла случайно закрывать повреждение. Могла оказаться важной уликой. Ни один из этих вариантов пока не был лучше остальных.

— Она стояла на месте до полуночи, — сказала женщина, отвечавшая за оформление конкурса.

— Вы видели её в полночь? — спросила Надежда.

Женщина замаялась.

— Нет. Ну... когда я уходила, всё было нормально. Уже поздно было.

— Во сколько вы уходили?

— Точно не скажу. Перед самым концом.

— Что значит «перед самым концом»? Вы смотрели на часы? Кто-нибудь был рядом?

Женщина нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— Наверное, около двенадцати. Я была уверена, что она там.

Её опросили отдельно от остальных. Затем поговорили с распорядителем конкурса, человеком, который принимал плоды, и волонтером, дежурившим возле сцены. Формулировки раз-

личались, а смысл повторялся: «до полуночи она стояла как надо». Но никто не называл точного времени, когда видел тыкву на месте в последний раз.

Распорядитель вспомнил, что обходил сцену «после награждения». Женщина с лентами сказала, что «когда выключали музыку, всё было нормально». Волонтёр уверял, что тыкву не трогали «пока закрывали ярмарку». Один за другим они описывали не столько увиденное, сколько общий ход вечера. Воспоминание о событии смешивалось с привычной мыслью: если все расходились, значит, всё оставалось на своих местах.

Надежда не ловила их на противоречиях. Она задавала вопросы, которые возвращали людей к опоре: где стоял говоривший, чем был занят, что видел до этого, что — после. Были ли рядом кто-то, кто мог подтвердить время? Играл ли оркестр? Объявляли ли уже последний розыгрыш? Посмотрел ли человек на часы сам или просто услышал, как кто-то сказал, что близится полночь?

В памяти время редко хранится как цифра, если его не привязали к чему-то конкретному. «После выступления» может означать пять минут или полчаса. «Вскоре после награждения» — реальный эпизод, который человек помнит, или привычную склейку, появившуюся позже, когда он услышал рассказы других. Уверенность не всегда равна точности: порой человек совершенно искренне уверен именно в том, что не проверял.

Поэтому Надежда не спрашивала: «Вы ведь видели её в одиннадцать сорок пять?» Такой вопрос уже подсказывал собеседнику готовое время и незаметно помогал достроить память. Она спрашивала: «Когда вы видели её в последний раз?» А затем отделяла ответ от его объяснения.

Для читателя это тоже полезное упражнение. Вспомните недавний разговор или встречу и разделите записи на три группы:

1. Что я видел или слышал сам? Например: «На столе стояла синяя чашка».

2. Что я заключил из увиденного? Например: «Чашка принадлежала хозяйке».

3. Чего я не знаю, но заполнил привычным объяснением? Например: «Она стояла там весь вечер».

Такое разделение не делает нас подозрительными ко всему вокруг. Оно лишь помогает не путать факт с удобной связью между фактами. В обычной жизни это спасает от ненужных ссор. В расследовании — от поспешных выводов.

Надежда вернулась к помосту, когда сотрудники закончили первичный осмотр окружающей площадки. Следы обуви начинались у дорожки, проходили рядом с краем сцены и терялись среди следов, оставленных за предыдущий день. Установить, какие отпечатки относились к ночи, а какие появились утром, без сравнения и анализа было нельзя. Люди ходили здесь сотнями. Земля помнила многое, но не подписывала, когда именно это произошло.

Она посмотрела под край платформы. Не стала нагибаться внутрь и протискивать руку в тёмный промежуток: сначала нужно было убедиться, что всё видно и можно зафиксировать без лишних движений. Один из специалистов направил фонарь. На внутренней стороне помоста обнаружилась узкая полоска земли. В ней поблёскивали мелкие серебристые частицы.

Надежда остановила всех, кто собирался приблизиться. Полоску сфотографировали на месте. В журнале появилась сухая запись: «Внутренняя сторона помоста, у заднего края: узкая полоса земли с серебристой пылью. Происхождение не установлено».

Это было первое, чего никто не ожидал увидеть, — не потому, что серебристая пыль непременно означала что-то особенное, а потому, что она лежала именно там, где её можно было не заметить, если смотреть только на огромный плод и человека за ним.

Тыква привлекала взгляд. Она была яркой, тяжёлой и смещённой; сама просилась стать главным ответом. Но важность улики не измеряется размером. Сначала следовало зафиксировать положение тыквы, ленты, потёртостей и отпечатков; записать слова очевидцев, не подме-

няя их общей версией о полуночи; сохранить даже мелкую полосу земли, не решая заранее, что она означает.

Праздник оставил после себя сотни следов, и не каждый из них относился к преступлению. Но теперь каждый требовал одного и того же: чтобы на него посмотрели прежде, чем объяснят. У большой тыквы была своя тень, а у тени — свои границы. Надежда записала последнюю деталь и закрыла блокнот. Пока никто не мог назвать точный час, когда ярмарка перестала быть праздником. Зато на помосте уже лежала вещь, которую нельзя было объяснить одной только привычкой.

Гости с безупречными алиби

На любом семейном празднике найдётся человек, готовый поклясться, что свечи на торте задули до боя часов, и другой, который помнит: ровно после. Оба стояли рядом. Оба видели одно и то же. Просто один следил за часами на стене, второй — за песней, а третий в этот момент снимал видео и теперь считает, что экран его телефона знает правду.

На Тыквенном спасе такими разногласиями обычно не интересуются. Пока музыка играет, фонари горят, а пироги не остывают, никто не требует от соседей свидетельских показаний. Но когда во время финального затемнения из витрины исчезло Серебряное семя — старинный знак ярмарки, маленькая серебряная подвеска в форме тыквенного зерна, — каждый вспомнил, где находился. И каждый оказался совершенно прав.

По крайней мере, так говорил.

Надежда устроила разговоры в бывшей кассе у входа на ярмарочную площадь. За тонкой стеной шуршали люди, пахло корицей и мокрой листвой. На столе лежала раскрытая тетрадь. Надежда разделила страницу на четыре колонки: время, заявленное действие, подтверждение, источник времени.

— Начнём с того, что вы помните сами, — сказала она первому гостю. — Не с того, что вы потом слышали от других.

Это было важно. Когда люди пересказывают событие вместе, их воспоминания незаметно начинают походить друг на друга. Не обязательно потому, что кто-то врёт. Память не видеозапись: она каждый раз собирает сцену заново из деталей, ожиданий и того, что человек узнал позже. Особенно ненадёжно бывает не само событие, а его точное место во времени.

Раиса Беляева, председатель ярмарки, села прямо, словно и здесь собиралась открыть торжественную часть.

— Я была на сцене. Всё происходило по программе. Колокол, объявление, затемнение, зажжение фонарей. Если мы сейчас начнём называть это кражей, завтрашние газеты напишут, что на нашем празднике не умеют следить за вещами.

— А если назвать это пропажей?

— Тогда напишут, что мы не умеем следить за вещами.

Раиса произнесла это без улыбки. Репутация праздника была для неё не пустым словом: от ярмарки зависели деньги на ремонт павильона и будущие разрешения. Она не скрывала тревоги, но старалась превратить её в деловой план.

По её словам, когда ударил ярмарочный колокол, она стояла у микрофона и готовилась объявить финал конкурса. После затемнения Раиса осталась на сцене и продолжила программу. Две певицы подтвердили, что видели её у микрофона. На телефоне одной из них имелась фотография: Раиса в оранжевом шарфе, за её спиной — гирлянды и огромная тыква.

— Вот. Время видно, — сказала председательница.

На экране действительно значилось 21:47.

Надежда записала время, но не подчеркнула его.

— А откуда у телефона это время?

Раиса помедлила.

— Он сам показывает.

Телефон мог показывать время верно. Но это ещё предстояло установить. А фотография доказывала, что Раиса была у микрофона в момент снимка, а не каждую секунду между снимком и возвращением света. Независимое подтверждение — не то же самое, что полное подтверждение.

— Колокол прозвучал до того, как погас свет, — уверенно сказала Раиса. — Я как раз начала говорить.

— А певицы что помнят?

— Одна сказала, что сначала был звон. Вторая — что сначала погасло.

Раиса нахмурилась, будто две версии уже угрожали фестивалю больше, чем пропавшая реликвия.

— Они обе были рядом, — сказала Надежда.

— Именно. Поэтому я и не хочу, чтобы мы строили обвинения на том, кто когда что услышал.

В этом Раиса была права. Но её слова не превращали расхождение в несущественную мелочь.

Лида Корнеева, сценический техник, говорила коротко и по делу. Она не садилась, пока Надежда не предложила стул второй раз; потом положила на стол рабочий планшет и объяснила, что во время отключения стояла у пульта.

— На мне свет и аварийный контур. Если гаснет сцена, я не бросаю пульт и не бегу смотреть на витрину. Сначала проверяю линию.

— Вы слышали колокол?

— Слышала удар. Кажется, после того, как сцена погасла.

— Кажется?

Лида посмотрела на Надежду так, словно та спросила, умеет ли она отличить фазу от нейтрالي.

— Там музыка оборвалась, народ загудел, кто-то уронил поднос. Я отвечала за то, чтобы аварийный свет включился. У меня не было обязанности запоминать, что прозвучало первым.

Её журнал показывал, когда отключилось освещение и когда включился резервный контур. По нему затемнение длилось меньше минуты. Рядом с пультом находился волонтер — он подтвердил, что Лида была на месте.

— Значит, алиби есть? — спросила Лида.

— Значит, вы были у пульта. Журнал подтверждает работу оборудования. Вопрос в том, что именно он может доказать о времени и о ваших перемещениях.

Лида вздохнула.

— У техники всегда виноват тот, кто ближе всех к кнопкам. Очень удобно. Если свет погас — виноват техник. Если не загорелся — опять техник. Если исчезла серебряная штука, наверное, тоже пульт не туда посмотрел.

Ирония у неё была сухая, как щепка. Но в раздражении слышался не только страх обвинения. Лида знала: даже честная запись оборудования полезна лишь настолько, насколько точны часы, встроенные в сам прибор.

Аркадий Лунин, часовщик, пришёл с карманными часами на цепочке. Он положил их на стол бережно, как маленькое животное.

— В ту минуту я был в своей палатке, — сказал он. — Заводил выставочные часы. Спросите покупателей. И не спрашивайте, спешат ли мои часы: они не спешат.

Аркадий защищал свои часы раньше, чем Надежда успела усомниться в них. Такое случается, когда человек слишком долго отвечает за вещь, которую остальные считают простой. На ярмарке он показывал механизмы, рассказывал о ремонте башенных часов и продавал маленькие будильники с тыквами на циферблате. Его репутация зависела от точности. Небольшое отклонение стрелок он воспринимал почти как личное оскорбление.

— Когда прозвучал колокол, я проверял пружину, — продолжил он. — Потом погас свет. Или... нет, звон был уже после. Хотя нет. Звон был до, потому что я посмотрел на часы и увидел без четверти десять.

Надежда не подняла глаз от тетради.

— На какие часы?

Аркадий указал на карманные.

— На эти.

— А они показывали точное время?

— Разумеется.

— По сравнению с чем?

Он чуть заметно сжал губы.

— С исправными часами.

— Какими именно?

Аркадий поправил цепочку. Потом назвал настенные часы в своей палатке. Покупательница подтвердила, что заходила к нему во время отключения, но не могла сказать, сколько минут провела внутри. У неё сохранилась фотография механизма и руки Аркадия над открытой крышкой. Время снимка в телефоне — 21:46.

— Значит, свидетели есть, — сказал часовщик.

— Свидетели есть, — согласилась Надежда. — Теперь надо понять, что они видели и какие часы считали правильными.

Илья Мартынов, конкурсант, вошёл последним и не стал садиться.

— Я выступал. Всё. Можете спросить любого. Или посмотреть запись, если вы подозреваете, что я умею выступать, не находясь на сцене.

Он сердился открыто. Не пытался смягчить голос и не делал вид, будто обвинение его забавляет. Илья готовился к конкурсу несколько недель, а теперь боялся, что его выступление запомнят не по песне, а по пропавшей вещи.

— Я не говорил, что подозреваю вас, — заметила Надежда.

— Пока. Обычно так и начинается.

Он выступал во время финального блока. В программе напротив его имени стояло время — 21:45. На видео, снятом зрительницей, Илья виден у микрофона в начале песни. Когда свет гаснет, камера дрожит; потом объектив ловит сцену снова, и он всё ещё там.

— Запись целиком? — спросила Надежда.

— Почти. Телефон опустили, когда выключился свет. Но звук остался.

— А колокол?

— Перед песней. Нет, под конец первой части. Я помню, потому что сбился на ударе. Хотя, может, это был звон тарелок из палатки с едой.

Илья раздражённо потер переносицу.

— Я не часы. Я помню песню.

Его ответ был честнее и полезнее, чем уверенное «точно в 21:47». Он не выдавал приблизительную память за точное измерение. Надежда отметила это отдельно.

Когда все четверо ушли, на странице уместились четыре версии и ни одной минуты, которую можно было бы назвать бесспорной. Надежда переписала сведения в таблицу.

Гость

Заявленное действие

Независимое подтверждение

Источник времени

Раиса Беляева

Стояла у микрофона во время звонка и оставалась на сцене после затемнения

Певицы видели её у микрофона; есть фотография

Расписание программы и время на телефоне

Лида Корнеева

Оставалась у пульта и работала с аварийным освещением

Волонтёр был рядом; сохранился журнал оборудования
Встроенные часы технического пульта

Аркадий Лунин
Был в палатке часовщика, проверял механизм
Покупательница заходила к нему; есть фотография
Карманные часы, часы палатки, время снимка

Илья Мартынов
Выступал на сцене во время финального блока
Запись зрительницы и воспоминания публики
Расписание и временная метка видео

Каждая строка подтверждала присутствие человека где-то рядом с важным событием. Ни одна не доказывала, что человек непрерывно находился там весь промежуток, когда могла исчезнуть подвеска. И ещё ни одна не устанавливала точного времени одним независимым способом.

Участники могли назвать часы телефона и часы на сцене разными источниками. Но если оба устройства были выставлены по одним башенным часам, независимость была только на вид. Журнал пульта мог содержать точные секунды, но от этого не становился точнее сам прибор. Расписание подтверждало порядок выступлений, а не фактическое время выхода на сцену. Видео сохраняло изображение — но его временная метка зависела от настроек телефона.

Слово «алиби» часто звучит как запертая дверь: вот человек, вот место, вот свидетель. На деле это скорее сетка с ячейками разного размера. Свидетель может подтвердить, что видел гостя у сцены. Фотография — что гость был у сцены, когда нажали кнопку. Но ни то ни другое автоматически не подтверждает, что он не отходил на полминуты между двумя моментами. А если само время указано неверно, аккуратно собранная сетка накрывает не тот участок событий.

Надежда вспомнила ответы о колоколе. Раиса слышала его до отключения. Лида — после. Аркадий сначала уверял, что до, потом усомнился. Илья помнил звон, но не был уверен, что это был колокол. Никто не пытался ввести её в заблуждение. У каждого было своё главное занятие: Раиса следила за церемонией, Лида — за пультом, Аркадий — за пружиной, Илья — за песней. Звон становился в памяти не отметкой времени, а частью того, чем человек был занят.

Это не оправдывало ложь, если она была. Но и не позволяло объявить лжецом каждого, чья память расходилась с чужой.

Есть простая проверка, которой Надежда научилась доверять больше, чем громким обещаниям. Сначала спросить: «Что вы помните сами?» Потом — «Что помогло вам определить время?» И лишь после этого — «Кто может подтвердить, что вы там были?» Если сразу назвать человеку точную минуту, он иногда невольно подстроит воспоминание под заданный ориентир. Если спросить, видел ли он подозреваемого во время затемнения, свидетель может начать вспоминать уже не событие, а собственный ответ на вопрос.

Для читателя это тоже полезное упражнение. Возьмите любой недавний общий эпизод — семейный ужин, школьный спектакль, рабочее совещание. Запишите отдельно, что вы действительно видели, что слышали от других и что выводите сами. Затем укажите источник каждого времени: часы, сообщение, начало песни, чей-то звонок. Если двое согласны, спросите себя, не опираются ли они на один и тот же источник. Так становится заметно, где факт, где память, а где аккуратно замаскированное предположение.

Надежда закрыла тетрадь и вышла на площадь. Уже убирали столы; под ногами хрустели листья, а на верёвках покачивались бумажные фонари. Она остановилась у старых часов над аркой. На их циферблате была ровно десять. Телефон показывал десять двенадцать.

Надежда не стала решать, какие часы правы. Пока это было не заключение, а расхождение — ещё одна запись в тетради. Но вдруг стало ясно: возможно, все четверо помнили свои места верно. Возможно, ошиблись не люди, а время, по которому они выстроили свои алиби.

На ярмарке каждый был на виду. Почти. И прежде чем искать, кто успел исчезнуть из чужого поля зрения, Надежде предстояло выяснить, когда именно это поле зрения открылось.

Часы, отставшие на двенадцать минут

На вокзале ошибка в двенадцать минут может стоить человеку поезда. На празднике — гораздо большего. Особенно если все вокруг уверены, что часы не могут ошибаться, потому что их показывают не одни часы, а сразу четыре: настенные, на телефоне, на камере и на пульте у сцены.

Надежда увидела отставание не сразу. В кабинете организаторов пахло мокрой шерстью, корицей и горячей тыквой: сюда заносили корзины с угощением, здесь прятались от сквозняка волонтеры, тут же лежали списки выступающих и рулон золотистой ленты. На стене висели часы в резной оправе, украшенной крошечными листьями. Их стрелки показывали 21:07.

Телефон Надежды показывал 21:19.

Она не стала сразу объявлять, что нашла улику. Телефон тоже мог ошибаться. После предыдущих допросов она усвоила: увидеть — не значит объяснить. Она записала оба показания, сфотографировала циферблат и спросила Раису, давно ли тот ходит неправильно.

Раиса пожала плечами.

— Они сами испортились. Старые. Иногда отстают. Мы привыкли.

У двери стоял Аркадий, отвечавший за свет и аппаратуру. Он покачал головой:

— Перед праздником я сверял механизм. Часы шли точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.